

Н. Б. ПИМЕНОВА

ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ
ОТВЛЧЕННЫХ ИМЕН

/РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ/

УДК 811
ББК 81.2
П 32

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-04-16082

Пименова Н. Б.

П 32 Древневерхненемецкие словообразовательные типы отвлеченных имен (реконструкция системных отношений). — М.: Языки славянских культур, 2011. — 504 с.

ISBN 978-5-9551-0460-7

В монографии разрабатывается комплекс методов и приемов, позволяющий впервые реконструировать и описать отношения в словообразовательной подсистеме одного из древних индоевропейских языков. На основе анализа реализованных и нереализованных в корпусе производных выявляются параметры вероятности производства единиц (системной продуктивности типов), охватывающие как материал глосс (потенциальных слов), так и связанных текстов. Разрабатываются параметры и методы сравнения типов с генетически родственными формантами в родственных языках, вскрываются закономерности сочетания конкретных значений отвлеченных типов, роль деривационной метафорики в функционировании типов, восстанавливаются роль основообразующих суффиксов, семантические факторы и тенденции внутренней организации системы в синхронии и диахронии, проверяются диахронические концепции развития отвлеченных имен. Впервые применяется обратная реконструкция на среднемецком материале, верифицирующая древнемецкие данные.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0460-7

© Н. Б. Пименова, 2011
© Языки славянских культур, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	13
----------------	----

Глава 1. Теоретические предпосылки

1.1. Словообразовательные типы в синхронном и диахроническом измерении	19
1.2. Продуктивность словообразовательных типов и ее парадигматические аспекты	26
1.3. Конкуренция словообразовательных типов, словообразовательные синонимы и варианты	29
1.4. Конкуренция словообразовательных вариантов и методы ее анализа	32
1.5. Хронологические и диалектные характеристики древневерхненемецкого корпуса	37
1.6. Готский материал в исследовании	40
1.7. Средневерхненемецкий материал в исследовании	41
1.8. Описание значений мотивированных слов	43
1.9. Понятие внутренней семантической структуры словообразовательного типа	44
1.10. Состав исследуемых типов и особенности суффиксальных формантов в древневерхненемецком языке	47
1.11. Конкретные значения отвлеченных типов	51
1.11.1. Статус конкретных значений в отвлеченных типах и проблема набора конкретных значений	51
1.11.2. Конкретные значения отвлеченных деадъективных имен	56
1.11.3. Классификация значений отглагольных имен: от синтактико-трансформативных оснований к семантическим ролям	58
1.11.4. Проблема иерархии конкретных значений отвлеченных отглагольных типов.....	63
1.11.5. Импликативные связи между значениями в исторической семасиологии	65
1.11.6. Классификация конкретных значений древневерхненемецких отглагольных отвлеченных типов	67

1.12. Параметры семантической классификации глагольных основ в применении к корпусному материалу.....	77
1.13. Результативность и результативные имена	83
1.14. Гипотезы о связи семантики индоевропейского рода и семантики родовых классов германских имен.....	86
1.15. Концепция эволюции отвлеченных имен от абстрактности к конкретности	91
1.16. Комбинирование диахронических семантических концепций	95
1.17. Тезис об исторической смене суффиксов	96

Глава 2. Типы имен с продуктивными глагольными базами

2.1. Типы имен мужского рода с суффиксом <i>-an-</i>	98
2.1.1. Происхождение, генетические связи и общая характеристика типа с суффиксом <i>-an-</i>	98
2.1.2. Структурно-морфологические особенности имен с суффиксом <i>-an-</i> и статус имен с конкретными значениями	100
2.1.3. Состав мотивирующих основ и лексические группы отвлеченных имен на <i>-an-</i>	102
2.1.4. Семантические параллели древневерхненемецкого типа на <i>-an-</i> в готском языке	112
2.1.5. Данные о средневерхненемецких именах, продолжающих тип на <i>-an-</i>	119
2.1.6. Возможности анализа <i>an-</i> имен в рамках других концепций.....	121
2.2. Тип отглагольных имен с суффиксом <i>-î(n)-</i>	122
2.2.1. Происхождение типа и его общая характеристика	122
2.2.2. Структурно-морфологические характеристики мотивирующих основ типа на <i>-î(n)-</i>	124
2.2.3. Состав мотивирующих основ типа на <i>-î(n)</i>	128
2.2.4. Конкурентные отношения <i>î(n)-</i> типа с другими отвлеченными типами	133
2.2.5. Набор конкретных значений имен на <i>-î(n)</i>	135
2.2.6. Характеристики <i>î(n)-</i> типа и аспектуальные свойства имен и глагольных баз	138
2.2.7. Истоки отглагольного типа на <i>-î(n)-</i> : готские данные.....	139
2.2.8. Имена на <i>-î(n)-</i> в текстах Ноткера.....	143
2.2.9. Данные об <i>î(n)-</i> именах и их конкурентах в других текстах.....	149
2.2.10. Возможности применения типологических и исторических концепций в интерпретации типа на <i>-î(n)-</i>	150
2.2.11. Вопрос о взаимосвязи отадъективного и отглагольного типов на <i>-î(n)-</i>	152
2.3. Тип отглагольных имен с суффиксом <i>-ôdal/-i</i>	154
2.3.1. Происхождение типа и общая характеристика имен на <i>-ôdal/-i</i>	154
2.3.2. Состав мотивирующих основ типа на <i>-ôdal/-ôdi</i>	158

2.3.3. Набор конкретных значений типа.....	160
2.3.4. Имена на <i>-ôda/-i</i> у Ноткера и особенности их употребления	164
2.3.5. Имена на <i>-ôfu-</i> в готском языке и параметры межъязыкового сравнения типов	167
2.3.6. Вопрос об эволюционной интерпретации типа на <i>-ôda/-i</i>	169
2.4. Тип отглагольных имен с суффиксом <i>-ô-</i>	172
2.4.1. Происхождение и общая характеристика типа на <i>-ô-</i>	172
2.4.2. Продуктивность мотивирующих основ разных семантических классов	174
2.4.3. Набор конкретных значений <i>ô</i> -имен	177
2.4.4. Интерпретация состава конкретных значений <i>ô</i> -имен	180
2.4.5. Эволюционная интерпретация <i>ô</i> -типа	183
2.5. Тип отглагольных имен с суффиксом <i>-ôn-</i>	184
2.5.1. Общая характеристика имен на <i>-ôn-</i> и их соотношения с именами на <i>-an-</i> и <i>-ô-</i>	184
2.5.2. Конкретные значения <i>ôn</i> -имен	187
2.5.3. Мотивирующие основы типа на <i>-ôn-</i> в сравнении с составом основ типа на <i>-ô-</i>	189
2.5.4. Данные о развитии типа на <i>-ôn-</i> в средневерхненемецком языке	190
2.5.5. Замечание о конкурентных отношениях <i>ôn-</i> и <i>-ô-</i> имен в системе готского словообразования	191
2.5.6. Проблемы эволюционной интерпретации особенностей <i>-ôn</i> -типа	194
2.6. Типы отглагольных имен с суффиксами <i>-ti-</i> (ж.р.) и <i>-ti/ta-</i> (м.р.)	196
2.6.1. Происхождение суффиксальных типов. Проблема исторического смешения различных моделей	196
2.6.2. Морфологические предпосылки конкуренции имен мужского и женского рода	197
2.6.3. Структурные особенности имен на <i>-ti-</i>	199
2.6.4. Состав мотивирующих основ имен на <i>-ti</i> (ж.р.) и <i>-ti/ta</i> (м.р.)	200
2.6.5. Набор конкретных значений <i>ti</i> -имен женского рода	203
2.6.6. Набор конкретных значений имен мужского рода на <i>-ti/ta</i>	206
2.6.7. Место <i>t</i> -имен среди других конкурирующих образований в древневерхненемецком и готском языках	207
2.6.8. Конкурентные отношения имен на <i>-ti</i> (ж.р.) и <i>-ti/ta</i> (м.р.)	209
2.6.9. Разведение значений в словообразовательных вариантах	210
2.6.10. Данные обратной реконструкции на материале средневерхненемецких производных	213
2.6.11. Вопросы эволюционной интерпретации типов на <i>-ti-</i> (ж.р.) и <i>-ti/-ta-</i> (м.р.)	214
2.7. Тип отглагольных имен с суффиксом <i>-ja-</i>	217
2.7.1. Происхождение форманта <i>-ja-</i> и системные связи типа	217

2.7.2.	Структурно-морфологические характеристики имен с суффиксом <i>-ja-</i>	220
2.7.3.	Состав мотивирующих основ типа на <i>-ja-</i>	221
2.7.4.	Набор конкретных значений <i>ja</i> -имен	222
2.7.5.	Конкуренция <i>ja</i> -типа с другими отвлеченными типами	224
2.7.6.	Имена на <i>-ja-</i> в готском языке	227
2.7.7.	Роль вещно-предметных значений в семантической структуре типа на <i>-ja-</i>	231
2.7.8.	Эволюционная интерпретация типа на <i>-ja-</i>	233
2.8.	Имена среднего рода с префиксом <i>gi-</i> и суффиксом <i>-ja-</i>	234
2.8.1.	Структурно-морфологические характеристики <i>ja</i> -имен с префиксом <i>gi-</i>	234
2.8.2.	Проблема множественной мотивации <i>ja</i> -имен с префиксом <i>gi-</i>	236
2.8.3.	Состав мотивирующих основ и проблема собираательной семантики имен	238
2.8.4.	Набор конкретных значений <i>gi</i> -префиксальных имен	240
2.8.5.	Конкурентные отношения <i>gi-/ja-</i> имен	242
2.8.6.	Данные о средневерхненемецких отглагольных <i>ja</i> -именах с префиксом <i>ge-</i>	243
2.8.7.	Итоги анализа <i>ja</i> -суффиксальных имен	246
2.9.	Типы отглагольных имен с суффиксом <i>-ung-</i> (с формантами <i>-ungō-</i> и <i>-unga</i>)	247
2.9.1.	Структурные особенности типов с суффиксом <i>-ung-</i>	247
2.9.2.	Тип на <i>-ungō-</i> в соотношении с другими отглагольными типами	247
2.9.3.	Состав мотивирующих основ типа на <i>-ungō-</i> : продуктивность и семантические ограничения	253
2.9.4.	Сфера конкуренции <i>ungō-</i> и <i>ō-</i> имен	256
2.9.5.	Конкуренция <i>-ungō-</i> имен и имен на <i>-ness-</i> и <i>-idō-</i>	259
2.9.6.	Другие особенности состава мотивирующих основ	261
2.9.7.	Набор конкретных значений <i>-ungō-</i> имен	262
2.9.8.	Распределение значений между именами на <i>-ō-</i> и <i>-ungō-</i> в контекстах	268
2.9.9.	Соотношение типов с формантами <i>-ungō-</i> и <i>-unga-</i>	270
2.9.10.	Другие особенности конкуренции имен на <i>-ungō-</i>	274
2.9.11.	Эволюционная интерпретация типа на <i>-ungō-</i>	276
2.10.	Особенности конкуренции имен на <i>-ungō-</i> , <i>-ness-</i> , <i>-idō-</i>	277
2.11.	Тип отглагольных имен с суффиксом <i>-idō-</i>	283
2.11.1.	Структурные особенности имен на <i>-idō-</i> и их мотивирующих основ	283
2.11.2.	Состав мотивирующих основ типа на <i>-idō-</i>	286
2.11.3.	Набор конкретных значений типа на <i>-idō-</i>	287
2.11.4.	Средневерхненемецкие данные	292
2.11.5.	Конкурентные отношения <i>idō-</i> имен	292
2.11.6.	Общие итоги анализа типа на <i>-idō-</i>	294

2.12. Имена от причастий претерита с суффиксами <i>-î(n)-, -ō-</i>	294
2.12.1. Форманты, региональное распределение и системные связи причастных имен	294
2.12.2. Вопрос о семантике имен от причастий претерита	296
2.12.2.1. Семантика причастий претерита в древнегерманских языках	296
2.12.2.2. Соотношение семантики причастий претерита и причастных имен	298
2.12.3. Имена от причастий претерита у Ноткера	301
2.12.4. Имена от причастий претерита в «Уставе ордена бенедиктинцев»	312
2.12.5. Общий состав причастных имен древневерхненемецкого корпуса	313
2.12.6. Набор конкретных значений имен от причастий претерита	318
2.12.7. Проблема влияния латинских образцов на структуру и семантику причастных имен	319
2.13. Имена от презентных причастий	321
2.13.1. Общая характеристика имен от презентных причастий	321
2.13.2. Семантика имен от причастий первых и состав мотивирующих причастных основ	323
2.13.3. Интерпретация словообразовательного типа	333
2.14. Имена с суффиксами <i>-ness-, -nis-, -nus-</i>	334
2.14.1. Структурно-морфологические особенности имен с суффиксами <i>-ness-, -nis-, -nus-</i>	334
2.14.2. Некоторые особенности региональной дистрибуции имен с <i>-ness-</i>	340
2.14.3. Состав мотивирующих основ имен с <i>-ness-</i>	341
2.14.4. Отношения конкуренции <i>ness-</i> имен	343
2.14.5. Состав конкретных значений имен с суффиксом <i>-ness-</i>	345
2.14.6. Данные о именах с суффиксом <i>-ness-</i> в средневерхненемецкий период и их использование для обратной реконструкции	348
2.14.7. Особенности готского типа с суффиксом <i>-nassu-</i>	351
2.14.8. Эволюционная интерпретация имен с суффиксом <i>-ness-</i>	354
2.15. Судьба типа с суффиксом <i>-ni</i> в древневерхненемецком языке. Готское <i>-ni</i> и его функциональные аналоги в древневерхненемецком	356
2.16. Типы отглагольных имен с суффиксами <i>-a-, -i-</i>	358
2.16.1. Структурные особенности имен на <i>-a-/i-</i>	361
2.16.2. Состав мотивирующих основ имен на <i>-a-/i-</i>	362
2.16.3. Набор конкретных значений <i>-a-/i-</i> имен	364
2.16.4. Данные об именах на <i>-a-</i> и <i>-i-</i> мужского и среднего рода в готском языке.....	370
2.16.5. Конкретные значения имен среднего рода на <i>-a-</i>	372
2.16.6. Статус имен с префиксом <i>gi-</i>	375
2.16.7. Соотношение типов имен мужского и среднего рода и проблема «вещности» и «собирательности» имен среднего рода	377
2.17. Выводы к главе 2	378

Глава 3. Типы с продуктивными адъективными базами

3.1. Закономерности дистрибуции имен на <i>-ei(n)</i> и <i>-iþō-</i> в готском языке.....	383
3.1.1. Типы отадъективных имен на <i>-ei(n)</i> и <i>-iþō-</i> в готском языке	383
3.1.2. Возможности рассмотрения имен на <i>-ei(n)</i> и <i>-iþō-</i> в рамках других концепций	398
3.2. Конкуренция и дифференциация в употреблении древневерхненемецких отадъективных имен с суффиксами <i>-i(n)</i> и <i>-idō-</i> . Деривационная метафорика.....	402
3.3. Конкуренция имен с суффиксами <i>-în</i> и <i>-ja-</i>	416
3.3.1. Готские отадъективные имена на <i>-în</i> и <i>-ja-</i> : конкуренция и разведение значений в контекстах	416
3.3.2. Контекстное распределение однокоренных имен на <i>-i(n)-</i> и <i>-ja-</i> у Отфрида.....	418
3.4. Соотношение продуктивных мотивирующих основ у древневерхненемецких типов на <i>-i(n)-</i> , <i>-ja-</i> , <i>-ō-</i> , <i>-idō-</i> и <i>-a-</i>	420
3.5. Место типа с суффиксом <i>-ness-</i> в подсистеме отадъективных имен	428
3.6. Встраивание новых типов в старые системные отношения: имена со словообразовательным элементом <i>-heit</i>	430
3.7. Выводы к главе 3	437

Глава 4. Некоторые межкатегориальные связи отглагольных и отадъективных типов

4.1. Имена на <i>-iþō-</i> с глагольной мотивацией в готском языке и вопрос о происхождении отглагольного <i>-iþō-</i> -типа	441
4.1.1. Возникновение отглагольного типа на <i>-iþō-</i> с формальной точки зрения	441
4.1.2. Формально-структурные особенности отглагольных <i>iþō-</i> имен в готском языке	443
4.1.3. Особенности употребления готских отглагольных <i>iþō-</i> имен и их конкурентов	445
4.1.4. Семантическая структура готских отглагольных имен на <i>-iþō-</i>	449
4.1.5. Сопоставление готских имен на <i>-iþō-</i> и древневерхненемецких имен на <i>-idō-</i>	451
4.2. На периферии системы: связи маргинальных образований	452
4.2.1. Семантические связи типов имен мужского рода	452
4.3. Участие имен с глагольной мотивацией в деривационной метафорике	454
4.4. Глобальные связи: аналогии в дифференциации отглагольных и отадъективных типов	457

Глава 5. Комбинации словообразовательных суффиксов с основообразующими формантами

5.1. Трактовка комбинации словообразовательных суффиксов с основообразующими формантами в различных источниках	459
---	-----

5.2. Комбинации <i>-ôd-</i> с основообразующими суффиксами	460
5.3. Комбинации <i>-t-</i> с суффиксами <i>-î(n)-</i> , <i>-ô-</i> , <i>-ja-</i>	463
5.4. Комбинации <i>-id-</i> с основообразующими формантами	466
5.5. Комбинация <i>-ness-</i> с основообразующими формантами	468
5.6. Комбинация <i>-ung-</i> с суффиксом <i>-î(n)-</i>	469
5.7. Выводы к главе 5	471
6. Заключение	472
Список сокращений	477
Библиография	479

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. Словообразовательные типы в синхронном и диахроническом измерении

Разработка материала и накопление научных данных по словообразованию древневерхненемецкого и других древнегерманских языков начались задолго до формирования основных понятий и принципов словообразования как самостоятельной дисциплины и шли в нескольких направлениях.

Данные о генетически родственных словообразовательных формантах древнегерманских языков и их индоевропейских соответствиях были собраны и обобщены в классических трудах К. Бадера, Л. Зюттерлина, В. Вильманнса, В. Штрайтберга, Ф. Клуге, Х. М. Йеллинека [Bahder 1880; Sütterlin 1887; Streitberg 1910a; Kluge 1926; Jellinek 1926; Wilmanns 1930] и других известных германистов конца XIX и начала XX века. В этих работах были определены генетические соответствия и основные словообразовательные значения формантов, состав продуктивных словообразовательных типов общегерманского и ареального распространения в разных древнегерманских языках, категориальная принадлежность и основные структурно-морфологические особенности продуктивных мотивирующих основ этих типов.

Несмотря на отсутствие понятия «словообразовательного типа» в научном обиходе этого времени, работы данного ряда достаточно точно отражают состав древнегерманских словообразовательных типов благодаря ориентации на формальный и содержательный аспект словообразовательных средств. В соответствии с утвердившимся в современной лингвистике классическим определением, под словообразовательным типом понимается «формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц и характеризующая общностью: а) формального показателя, отличающего мотивированные слова от мотивирующих, б) части речи мотивирующих слов и в) семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему (словообразовательного значения)» [Земская 1973: 182; Немченко 1985: 132]¹. В упомянутых

¹ Используемое в лингвистике понятие «словообразовательная модель», в случае, если оно не употребляется как синоним «словообразовательного типа», применяется, как

германистических трудах состав древнегерманских типов последовательно каталогизируется и обобщается по формантам; при описании плана содержания формантов учитывается наиболее общие семантические классы производимых с их помощью образований (для существительных — абстрактные имена, имена деятеля, имена инструментов и т. п.) и частеречная принадлежность производящих слов. Эти параметры составляют и основу описания наиболее явных межъязыковых различий типов с общегерманскими формантами, в частности наблюдаемых в отдельных языках различий в продуктивности имен, образуемых от основ разных частей речи.

Описание словообразовательных средств германских языков в трудах сравнительно-исторической направленности остается авторитетным и наиболее полным по охвату представленного материала, особенно для древних языков, продолжая составлять базу современного исторического словообразования [Habermann 2002: 43; Müller 2002: 1; Wegea, Solms 2002: 159]. В отечественной лингвистике изданием, сопоставимым как по принципам изложения материала, так как и по научному значению, является «Сравнительная грамматика германских языков», опирающаяся на материал, собранный в зарубежных работах, и на разработки отечественных исследователей [СГГЯ 1963].

Диахроническая линия в изучении древнегерманских словообразовательных средств была продолжена в работах по реконструкции отдельных общегерманских моделей или групп производных. В этом круге работ выделяются исследования следующих направлений: а) реконструкция догерманского или общегерманского происхождения словообразовательных формантов и фономорфологических процессов, приведших к образованию этих формантов и соответствующих моделей; б) восстановление типа наиболее древних мотивирующих основ, участвующих в производстве имен по тем или иным моделям; в) реконструкция фонда общегерманских производных, образованных по определенным моделям; г) восстановление общегерманских словообразовательных вариантов [Sievers 1878b; Kögel 1880; Psilander 1913; Wessen 1914; Gerckens 1923; Зализняк 1963; Pardee 1972; Köbler 1986; Beifuss 1991 и др.]. Восстановление формантов базируется на традиционных принципах реконструкции звуковых оболочек морфем и мало связано с собственно словообразовательной спецификой материала. Реконструкцию же словообразовательных вариантов и лексического фонда общегерманских производных следует признать спорной практикой, поскольку такой подход лишен семантических и структурно-системных обоснований, которые позволяли бы утверждать, что конкретная восстанавливаемая единица соответствует правилам и закономерностям общегерманской системы и реализовывалась в общегерманском языке.

известно, для обозначения чисто формальной (структурной) схемы построения производных слов, объединенных общностью словообразовательного форманта, а также общностью части речи [Немченко 1985: 140—141]. Именно в этом втором значении термин «словообразовательная модель» принимается в нашей работе.

Очевидно, что в методике реконструкции словообразовательных средств отсутствуют принципы и приемы, разработанные для анализа собственно словообразовательного материала. Проблема разработки специальных методов восстановления особенностей словообразовательных типов и словообразовательных систем не ставится и в обобщающих трудах по исторической лингвистике и реконструкции [Hock 1986; Winter 1990; Fox 1995].

Интерес ко внутриязыковому описанию словообразовательных средств, проявившийся параллельно с возникновением сравнительно-исторических описаний, привел к появлению целой серии работ, в которых анализируются значения и виды употребления тех или иных производных с конкретными суффиксами в отдельных германских языках или в отдельных письменных памятниках, а также представляются факты вариантности и конкуренции этих образований (ср. в области описания производных отвлеченных имен работы [Kelle 1869; Fleischer 1901; Baumann 1914; Gutmacher 1914; Grunewald 1944; Ahlsson 1960; Dahlberg 1962; Sommer 1966; Hinderling 1967] и мн. др.). Эти исследования фиксируют в семантике имен, образованных по отвлеченным типам, традиционные категории абстрактных и конкретных значений и имеют преимущественно лексикологическую направленность, собирая и обобщая фонды производных с их лексическими значениями.

Лингвогеографическая традиция исследования фонда древневерхненемецких производных существительных представлена исследованиями, в которых рассматриваются, во-первых, тексты разного регионального происхождения и содержащиеся в них производные и, во-вторых, традиции перевода того или иного отвлеченного имени или библейского контекста, содержащего отвлеченное имя, в различных письменных узусах. Из фундаментальных работ этого направления следует назвать исследования В. Бетца, А. Линдквиста, Э. Мейнеке [Betz 1936; 1965; Lindqvist 1936; Meineke 1994]. Изучение производных в рамках данного подхода демонстрирует отсутствие точных критериев, кроме чисто фонетических, для установления происхождения производной лексики (диалектного региона, письменного регионального узуса), как и критериев для определения соответствия того или иного производного слова словообразовательным правилам древневерхненемецкого языка или конкретного диалекта (определения его узуальности или окказиональности).

Трудности анализа словообразования в древнегерманских языках, сложности в выявлении словообразовательных регулярностей по ограниченным и разрозненным корпусам ведут к тому, что собственно синхронное рассмотрение языкового материала фактически сводится к более или менее детальной инвентаризации словообразовательных средств.

Отход от рассмотрения общегерманского происхождения моделей, т. е. редукция их исторических и межязыковых связей, в условиях отказа от анализа синхронных отношений в системе ведет к крайнему обеднению описания словообразовательных средств в истории немецкого языка. Так, в объемной автори-

тетной «Истории языка», отличающейся проблемным подходом к рассматриваемым явлениям, древневерхненемецкому словообразованию посвящен лишь небольшой раздел, содержание которого ограничивается кратким перечислением основных продуктивных словообразовательных типов с их словообразовательным значением, сгруппированных по тем частям речи, для производства которых эти типы используются [Splett 1985: 1043—1052].

Несколько лучше проблематика исторического словообразования и информация о словообразовательных средствах языка излагается в разделе, посвященном словообразованию средневерхненемецкого периода, как известно, представленного более обширным корпусом текстов [Zutt 1985: 1159—1179]. Однако и здесь, несмотря на изложение трудностей исторического словообразования и постановку исследовательских задач, совершенно отсутствует даже упоминание о необходимости изучения словообразования как системы. Проблемы исследования исторического языкового среза сводятся в этом разделе к невозможности проецировать современные словообразовательные правила на древнее языковое состояние, к отсутствию языковой компетенции у современного лингвиста и скудости языкового материала предшествующего, древневерхненемецкого периода, не позволяющей установить возраст того или иного производного слова, зафиксированного в средневерхненемецком языке [Zutt 1985: 1161]. Упоминание последнего ограничения очень показательно: как мы видим, в центре внимания автора оказывается не синхронная мотивированность слова, а его историческая производность и сам деривационный акт. Отметим, что несмотря на упоминание «правил словообразования», вопрос о реконструкции словообразовательных правил, действовавших в тот или иной исторический период, в этом обзоре даже не ставится.

Попытки установить правила или регулярности в словообразовании исторических эпох более характерны для частных исследований отдельных участков словообразования, которые предпринимаются в последнее время. Стремление фиксировать диахронические сдвиги отражается в интересе к изменению продуктивности словообразовательных типов, причем если в прежних обзорах сравнительно-исторического характера «продуктивность» словообразовательной модели обычно понималась как активность, т. е. способность к новообразованиям (ср. [Meid 1969]), то теперь в центр внимания выносятся вопросы соотношений в продуктивности разных мотивирующих основ и различных семантических подтипов производных слов [HW 2002]. В то же время подобные исследования ориентированы на сбор количественных данных и не ставят своей целью определить внутренние факторы развития системы и перейти к объясняющему описанию языка. Кроме того, очевидно, что построение исследования на количественных данных в большей степени применимо при анализе исторических языковых срезов с обширной письменной фиксацией, способной отразить реальные соотношения употребительных языковых средств.

Состояние диахронических исследований, в общем, соответствует уровню теоретической разработки проблем исторического словообразования. Показа-

тельно, в частности, что в том же фундаментальном труде «История языка» [SG 1985] в первом, теоретическом томе содержатся специальные параграфы, посвященные принципам и методам исторической фонологии, морфологии и лексикологии, а также теории языковых изменений на фонетическом, морфологическом и лексическом уровне, но отсутствуют разделы, посвященные принципам и методам исторического словообразования и теории языковых изменений на уровне словообразования.

В целом в работах исследователей последних десятилетий повторяются указания на одни и те же лакуны в изучении словообразовательных средств. В. Флейшер констатирует отсутствие подробного анализа и описания функционирования немецких словообразовательных типов в диахронии [Fleischer 1986: 27]. П.-О. Мюллер, характеризуя состояние исследований в области исторического словообразования немецкого языка, отмечает отсутствие выверенных с точки зрения методов синхронных описаний словообразования древневерхненемецкого, средневерхненемецкого, ранневерхненемецкого языка, схождений, конкуренций и оппозиций в истории немецкого словообразования [Müller 1993: 395]. М. Хаберманн указывает на необходимость поворота к функциональному изучению взаимодействующих словообразовательных средств в рамках того или иного периода [Habermann 2002: 42] и т. д.

Понятие «системы» используется в этих программных заявлениях первую очередь как указание на необходимость совместного описания синхронно сосуществующих словообразовательных средств, преодоления изоляции отдельных элементов в исследовании [Ibid.: 41]. При таком общеметодологическом понимании понятие «словообразовательной системы» вводится без терминологического определения или совсем не используется (ср. [Fleischer 1986]). В то же время само упоминание «опозиций», «конкуренций», взаимодействия и функционального распределения словообразовательных средств отсылает именно к системным отношениям в словообразовании и к общепринятому пониманию словообразовательной системы. Действительно, в большинстве концепций словообразования как единицы, конституирующие словообразовательную систему, рассматриваются словообразовательные типы; под словообразовательной же системой понимается, соответственно, «совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии» [Земская 1973: 182]. Это классическое представление о словообразовательной системе утвердилось и в отечественной, и в немецкой лингвистике, включая германистику. С использованием термина «модель» как синонима «словообразовательного типа» система словообразования определяется в «Сравнительной грамматике германских языков» как «взаимосвязь и взаимодействие основных способов словопроизводства и словосложения, что находит отражение в распределении и функционировании главных словообразовательных моделей» [СГГЯ 1963: 39]. В. Флейшер и И. Барц уточняют задачи описания словообразовательной системы, указывая, что в нее должны входить следующие компоненты: 1) определение и описание моделей (в привычной для отечественной лин-

гвистики терминологии «типов». — *Н. П.*) как центральных механизмов системы по формативно-структурным и семантическим параметрам, 2) данные о сфере действия модели, ее функциональных характеристиках и различном использовании отдельных моделей и формантов, 3) описание парадигматических отношений (антонимических, синонимических) между отдельными моделями и типами [Fleischer, Barz 1992: 10]. Таким образом, именно о системных отношениях идет речь при постановке вопроса об отношениях соположения, синонимии, конкуренции [Кадалькова 1994: 77] или схождения, конкуренций и оппозиций [Müller 1993: 395; Hinderling 1982] между словообразовательными типами.

Аспект взаимосвязи и взаимодействия словообразовательных типов методологически важен для описания словообразовательной системы: анализ не отдельного, а нескольких словообразовательных типов представляет собой одно из необходимых условий исследований отношений в системе (фрагмента системы). Для описания фрагменты системы разумно выделять синхронно сосуществующие типы, объединенные общностью словообразовательного значения (словообразовательные категории), поскольку именно рассмотрение синонимичных типов позволяет включить в анализируемые системные отношения также отношения конкуренции.

Упоминание системного подхода к немецкому историческому словообразованию, как правило, ограничивается постановкой вопроса о функциональном распределении и конкуренции между типами и полноте описания словообразовательных средств языка. Так, В. Флейшер при рассмотрении задач диахронического словообразования не расшифровывает понятие «системы», упоминая в качестве системного аспекта словообразования конкуренцию словообразовательных средств [Fleischer 1986: 32]. П.-О. Мюллер связывает «реконструкцию словообразовательных систем» с выяснением функционального взаимодействия морфем и словообразовательных образцов, в том числе их распределения в текстах различной прагматической направленности [Müller 2002: 3]; о функциональной ориентированности анализа синхронного состояния системы говорит и М. Хаберманн [Habermann 2002: 42]. Вопрос о функциональной ориентированности анализа словообразовательных типов ставится в германистике уже давно. В качестве параметров такого описания называются структурные ограничения в функционировании германских словообразовательных типов, ареальные границы распространения, частотность, эмпирическая продуктивность, емкость (пределы лексической сочетаемости), распределение соответствующих образований в стилях и жанрах [Кубрякова 1963: 128, 131]. Именно к анализу этих параметров происходит переориентация современного немецкого исторического словообразования. Так называемый историко-синхронный подход, сформировавшийся в последнее время в немецкой исследовательской традиции, предполагает снятие синхронных «снимков» словообразовательных систем исторических эпох по аналогичным признакам [Habermann 2002: 42]. Характерно, что акцент на создании максимально точных «снимков» языкового состояния, свойственный этому под-

ходу, диктует установление узких границ синхронного состояния: в пределах одного столетия [Müller 2002: 3].

При интерпретации связи между синхронным состоянием системы и ее изменением в диахронии исследователи данного направления акцентируют внимание на гетерогенности языковых состояний, служащих предпосылкой языкового развития [Habermann 2002: 42]. Подчеркивание моментов гетерогенности в функционировании языковых систем соответствует приоритетам практического анализа, ориентированного на выявление языкового многообразия в рамках языкового состояния.

Иной теоретический уровень постановки проблем изучения системных аспектов синхронного и диахронического словообразования задают работы И. С. Улуханова по славянскому языкознанию [Улуханов 1994; 1996]. В качестве актуальной задачи словообразования как дисциплины И. С. Улуханов выдвигает выявление общих закономерностей организации словообразовательной системы [Улуханов 1996: 3]. Данное направление анализа базируется, в частности, на изучении реализованных (как узуальных, так и потенциальных и окказиональных) и нереализованных единиц словообразовательного уровня, которое позволяет представить словообразовательную систему языка как организованную совокупность реализованных и потенциальных единиц, т. е. как совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют») [Там же: 7]. Изучение вопроса о реализации и нереализации словообразовательных единиц означает шаг к переходу от констатирующего способа описания к объяснительному, вскрывающему внутренние механизмы функционирования системы [Улуханов 1994: 12; 1996: 7].

В рамках этого подхода получает новый акцент и интерпретация связи синхронии и диахронии. Кроме общего представления об отражении диахронических процессов в виде «застывших» результатов в синхронном состоянии языка (ср., напр. [Янценецкая 1979: 9]), особое значение приобретает анализ синхронных отношений, сложившихся на основе этих процессов в системе, и их влияния на возможность производства единиц.

Задачи и принципы анализа словообразовательных систем формулируются И. С. Улухановым в основном применительно к синхронному языковому материалу и требуют некоторых оговорок для исторического корпуса. При исследовании исторического материала по неполной письменной фиксации определение «пустующих» клеток (т. е. нереализованности в древневерхненемецком языке) для конкретной языковой единицы, т. е. для единицы, образованной от конкретной мотивирующей основы, невозможно. Вместе с тем при анализе исторического корпуса возможно и необходимо устанавливать регулярное отсутствие тех или иных суффиксальных образований от определенных групп мотивирующих основ или регулярное отсутствие тех или иных суффиксальных образований с определенным конкретным значением.

Перенос внимания на внутренние закономерности, действующие в системе, дает иную степень свободы при определении временных рамок для исследуемых

синхронных состояний. Кроме общепринятого разделения исторической производности и синхронной мотивированности единиц, на котором базируется синхронное словообразование, для системных отношений синхрония может задаваться как период действия конкретных системных закономерностей, определяющих возможность и невозможность реализации единиц. Такое понимание соответствует как общему принципу условности определения синхронии в лингвистических исследованиях, так и подходу, при котором синхронное языковое состояние определяется как период существования относительной устойчивости системы [Guchman 1962; Немченко 1994: 31; Трубачев 1994: 19]. Эти принципы определения синхронии дополнительно оправдывают установление временных рамок предпринимаемого в нашей работе исследования границами древневерхненемецкого периода. При изучении древневерхненемецкого языкового состояния речь идет о выявлении наиболее устойчивых системных закономерностей, действовавших в течение всего периода в древневерхненемецких диалектах и определяющих общность древневерхненемецкого языка как системно-структурного единства. Данный подход не отрицает, разумеется, возможности фиксации в ходе исследования более ранних и поздних тенденций в языковом состоянии периода.

Рассмотрим параметры исследования словообразовательной системы и словообразовательных типов более подробно.

1.2. Продуктивность словообразовательных типов и ее парадигматические аспекты

Важнейшей характеристикой словообразовательной системы являются параметры продуктивности словообразовательных типов. В отечественной лингвистике последовательно проводится введенное М. Докулилом разделение эмпирической продуктивности типа, проявляющейся в его способности порождать в данный синхронный период времени новые слова, и системной продуктивности, выражающейся в ограничениях, налагаемых системой языка на производство слов по данному типу [Dokulil 1962: 204—206; Земская 1973: 209—216].

Определение эмпирической продуктивности, иначе — активности², типов представляет собой наиболее трудную задачу для исторического исследования, так как единственным полностью достоверным критерием активности типа является оценка носителя языка. Появляющиеся в тексте определенного периода серии новых образований могут быть не новыми словами, произведенными в данный период, а более древними производными, ранее не зафиксированными в корпусе. С этой точки зрения даже многочисленные древневерхненемецкие переводные обозначения латинских понятий не дают надежного доказательства активности соответствующих типов, так как эти слова-переводы могут быть пере-

² О термине «активность» типа как синониме «эмпирической продуктивности» см. [Kubrjakova 1975: 318; Земская 1973: 208].

осмыслениями производных, ранее существовавших в языке. Поэтому при сравнительном исследовании словообразовательных типов в древнем корпусе более целесообразно опираться на критерии, поддающиеся относительно точной оценке. Таким критерием можно считать, в частности, количественную продуктивность типа, выражающуюся в наличии значительного числа производных, по нему образованных (в существовании объемных словообразовательных рядов) [Kubrjakova 1975: 318]. Именно количественная продуктивность древневерхненемецких типов будет в дальнейшем обозначаться нами как «продуктивность»³.

По Е. С. Кубряковой, именно совокупность продуктивных (количественно продуктивных), активных, употребительных моделей составляет синхронную систему языка [Kubrjakova 1975: 318]. При этом понятие «употребительности» характеризует частотность моделей в текстах, т. е. их реальную употребительность (употребительность слов, образованных по данным моделям) в речи [Ibid.: 318].

Очевидно, что, в соответствии с данными параметрами, древневерхненемецкий корпус и зафиксированные в нем словообразовательные ряды производных отражают синхронную словообразовательную систему (в нашем случае подсистему отвлеченных имен) древневерхненемецкого языка и позволяют адекватно исследовать эту систему. Словообразовательные типы и ряды производных, засвидетельствованные в корпусе, не могли не быть продуктивными в принятом нами смысле, иначе они бы не использовались как продуктивные в создаваемых в древневерхненемецкий период и дошедших до нас письменных текстах.

Ограничения, налагаемые в соответствии с системной продуктивностью словообразовательного типа на производство слов по данному типу: т. е. ограничения фонологического, структурного, морфологического, семантического характера [Степанова, Флейшер 1984: 171], для древнегерманских типов остаются мало исследованными. В описаниях древнегерманского словообразования, в том числе наиболее ранних, встречаются некоторые указания на фонологические, структурные и морфологические ограничения на производство тех или иных суффиксальных имен. Так, для древневерхненемецких имен на *-ôd-* отмечается преобладание мотивирующих основ второго класса [Kluge 1926: 70—71; Wilmanns 1930: 345]; а продуктивность имен на *-idō-* и *-ungō-* в древневерхненемецком языке в целом или в отдельных памятниках ставится в зависимость от пре-

³ Подчеркнем, что количественная продуктивность типа имеет косвенное отношение к его активности. По-видимому, может существовать некоторая зависимость между длиной словообразовательного ряда и возможностью образования по представленному в нем типу новых слов, так как «многочисленность однотипных образований обостряет субъективное ощущение членности основы и способствует большей продуктивности (...) образований» [Янко-Триницкая 2001: 183]. Что касается принципиальной возможности образовать новое слово по существующему словообразовательному образцу, то, как показывают исследования, такая возможность может реализовываться даже в условиях немногочисленности и недостаточной членности слов, представляющих данный образец [Там же: 204—205].

фиксальности или беспрефиксности глагольных основ [Wilmanns 1930: 358—359; Dittmer 1987: 291—292] и т. п. Однако, как показывает изучение всего массива древневерхненемецких отвлеченных производных, отмечаемые в литературе формальные ограничения на образование слов по тем или иным типам касаются лишь небольшого количества известных по корпусу производных и не способны объяснить различия в частотности производных и в составе мотивирующих основ словообразовательных типов.

Что касается семантического аспекта системной продуктивности, то в теории германского словообразования, как и в общей теории словообразования, он изучен в наименьшей степени [Степанова, Флейшер 1984: 174]. Примечательно, что состав мотивирующих глагольных основ различных древнегерманских словообразовательных типов до сих пор не был проанализирован даже по такому универсальному делению глаголов, как деление на семантические типы предикатов (состояние, действие, инактивный процесс)⁴.

Итак, для описания подсистемы словообразовательных типов с отвлеченным значением необходимо заново провести как анализ структурно-морфологических, так и семантических аспектов их системной продуктивности. Соответственно, необходимо выявить структурно-морфологические и семантические характеристики основ, продуктивных при образовании производных разных типов и определить специфические различия этих характеристик⁵.

К характеристикам системной продуктивности отвлеченных типов мы отнесем также особенности продуктивности отдельных видов конкретных значений (см. раздел 1.11.1.).

⁴ Методологической причиной этого положения дел является то обстоятельство, что в западноевропейской и американской лингвистике понятие системной продуктивности, введенное М. Докулилом, не используется, однако потребности конкретных исследований постоянно влекут за собой уточнения термина «продуктивности» [Van Marle 1986]. Независимо от М. Докулила к сходному различению видов продуктивности призывает Д. Кастовский. В терминологии Д. Кастовского «количество и тип ограничений, налагаемых на правило словопроизводства» и «частота актуального использования этого правила в словопроизводстве» [Kastovsky 1986: 585—586] в общем соответствует «системной» и «эмпирической продуктивности» М. Докулила. Перспективно и предложение исследователя говорить не о продуктивности всего морфологического образца (типа), но о продуктивности различных семантических типов внутри морфологического образца, например, обозначений агенса и инструмента [Ibid.: 585, 597]. Вместе с тем такое выделение семантических подтипов внутри образца пока остается лишь пожеланием, но не практикой проводимых исследований, в том числе исследований на материале германских языков.

⁵ Структурно-морфологические и фономорфологические характеристики основ, относящиеся к предшествующим эпохам и утраченные в древневерхненемецкий период, не могут быть учтены при исследовании собственно древневерхненемецкой синхронной системой словообразования, поскольку они не являются факторами, действующими в исследуемый синхронный период.

Конкуренция словообразовательных типов, разделение сфер их функционирования может определяться случайными факторами, однако особый интерес представляет закономерная взаимосвязь между конкуренцией типов и их системной продуктивностью. Исследование древневерхненемецких словообразовательных типов должно выявить, где именно конкуренция типов определяется не экстралингвистическими причинами (территориальным распределением типов, влиянием письменных узусов, индивидуальными предпочтениями), а особенностями системной продуктивности, т. е. внутриязыковыми причинами.

1.3. Конкуренция словообразовательных типов, словообразовательные синонимы и варианты

Рассмотрим проявления конкуренции типов и возможности их корпусного исследования.

Одно из проявлений конкуренции синонимичных словообразовательных типов — это возможность образования слов с разными формантами, но с одинаковыми словообразовательными значениями. Наиболее яркое проявление конкуренции словообразовательных типов — возникновение синонимичных «деривационных вариантов» от одной мотивирующей основы с разными формантами⁶. Нередко понятие словообразовательной «конкуренции» сводится именно к образованию словообразовательных «вариантов» от одной мотивирующей основы [Erben 1979: 159, 160]. Дополнительным условием появления деривационных вариантов, разумеется, является отсутствие у конкурирующих типов структурных ограничений на образование слов из мотивирующей основы данного типа.

В конкуренции словообразовательных типов целесообразно выделить собственно словообразовательный и лексический (лексемный) аспекты. Словообразовательный аспект имеет отношение прежде всего к упомянутому совпадению словообразовательных значений типов. Лексический аспект относится к судьбе «деривационных вариантов», возникающих благодаря совпадению словообразовательных значений. Эти варианты могут сохраняться в языке как лексические синонимы, но могут и разводиться по лексическому значению. Дифференциация лексического значения вариантов при сохранении общего словообразовательного значения означает приобретение одним или каждым вариантом дополнительных индивидуальных компонентов в идиоматической части лексического значения (в эти индивидуальные компоненты можно включить также стилистические различия).

Общеизвестно, однако, что словообразовательные значения не образуют, подобно грамматическим значениям, обязательных взаимоотношений рядов. Отсюда проистекает и неполнота словообразовательных парадигм. Теоретически возможные в системе производные могут не существовать (не быть представленными) в языке. Причиной запрета на системно возможные образования

⁶ О данном понимании словообразовательных вариантов см. в [Немченко 1985: 127].

(причиной «пустых клеток» в словообразовательной парадигме) может быть существование других производных с тем же значением — ограничение, которое называется в словообразовании «блокированием» [Naumann 2000: 33; Werner 1995: 43].

Очевидно, что «блокирование» представляет собой одно из проявлений конкуренции типов. В то же время в работах, затрагивающих проблему словообразовательной конкуренции, блокированию придается явно преувеличенное значение, а само понятие «блокирования» неоправданно расширяется.

Блокирование по определению представляет собой индивидуальное явление, связанное с существованием в языке конкретной лексемы. Однако если мы имеем дело с ограничениями на производство определенных семантических групп имен или производство от определенной семантической группы баз, такие ограничения целесообразно рассматривать скорее как повторяющиеся, системные явления, касающиеся распределения между словообразовательными типами, т. е. как явления системы словообразования, а именно — явления системной продуктивности типов. В исследовательской же практике тезис о блокировании нередко заменяет собой неизученность системной продуктивности типов. Хотя в рассуждениях о закономерностях блокирования встречаются оговорки, касающиеся запретов на словопроизводство, связанных, например, с семантической ролью производных (см. у А. Вернер примечание о невозможности в немецком языке слов, обозначающих субъекта со сниженной агентивностью *Nehmer* букв. *«братель», *Hemmer* *«препятствователь» [Werner 1995: 58]), подобные наблюдения высказываются лишь как примечание к основному положению.

Зеркальным отражением «лексического» подхода к проблеме блокирования является интерпретация дифференциации значений слов, образованных по синонимичным словообразовательным типам. Такая дифференциация тоже рассматривается обычно как явление уровня лексики, а не словообразования. В этом случае речь идет о дифференциации как следствии конкуренции имен (образно: их «скупивания», нем. *Häufung* [Naumann 2000: 33]).

Сосуществование семантически идентичных («несущих одно и то же информационное содержание» и «взаимозаменяемых в контексте» [Erben 1979: 159]) слов, образованных от одной мотивирующей основы с разными аффиксами, по замечанию Й. Эрбена, встречается часто, однако в ограниченном объеме. Причиной ограничения употребительности слов, представляющих собой словообразовательные варианты, Й. Эрбен считает принцип экономии в языке. По его мнению, под действием принципа экономии конкурирующие варианты нередко разводятся по семантике, т. е. используются в языке для нюансировки значений. Уточним, что пути дифференциации конкурирующих имен могут заключаться либо в семантическом разведении изначально синонимичных образований, либо в семантическом дистанцировании нового образования от уже имеющегося.

В качестве примера Й. Эрбен упоминает немецкие *nomina actionis*, которые, по его мнению, в некоторых случаях проявляют известные отличия в характеристике действия (пример Й. Эрбена — *Geschrei* — *Schreierei* ‘крик’ от *schreien*

‘кричать’), хотя все существующие в языке возможности образования отвлеченных имен используются далеко не для каждой мотивирующей глагольной основы [Erben 1979: 159—160].

Образованные от одной и той же мотивирующей основы по разным, но синонимичным словообразовательным типам слова, в которых наблюдается различие лексических значений или типов употребления, мы будем называть «минимальными парами». Применительно к словообразованию понятие «минимальных пар» использовал Х. Велльманн, отметивший, что в словообразовательной системе существуют «зоны сгущения» (*Verdichtungs-zonen*), в которых производные не только конкурируют, но и в результате языкового взаимодействия регулярным образом (*reihenhaft*) разводятся относительно друг друга по подобию семантических минимальных пар [Wellmann 1997: 68]. Обозначение «минимальные пары» употребляется без определения применительно к семантически дифференцированным синонимам с разными суффиксами и в некоторых работах по словообразованию конкретных языков [Riddle 1985: 437].

Метафорически употребленный термин «минимальные пары» удачно фиксирует внимание, во-первых, на том обстоятельстве, что семантическое разведение однокоренных (точнее, одноосновных) словообразовательных вариантов выявляет противопоставление типов в максимально близких условиях. Во-вторых, обозначение «минимальные пары» указывает на однонаправленность семантических противопоставлений в таких парах, т. е. на регулярности, выходящие за рамки индивидуальных лексических сдвигов в отдельных словах и указывающие на некоторые закономерности, свойственные системе.

К сожалению, вопрос о том, каким именно образом разведение значений в минимальных парах отражает особенности, свойственные словообразовательной системе и словообразовательной типам, т. е. чем именно определяется направление такого разведения значений, остается неисследованным. Этот вопрос не ставит ни Х. Велльманн, ни Й. Эрбен, по-видимому, полагая, что само наличие регулярных корреляций словообразовательных вариантов в языке говорит об их системном статусе.

В то же время из других замечаний, встречающихся в работах специалистов по словообразованию, следует, что разведение значений производных, образованных по синонимическим типам, регулируется не на уровне системы, а на уровне нормы. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что функционирование синонимических моделей словообразования «регламентируется почти исключительно нормативным фактором, дифференцирующим значения создаваемых слов, а также ограничивающим возникновение лексических дублетов» [Арутюнова 1960: 25, 27].

По-видимому, здесь нельзя преувеличивать, как это часто делается, непредсказуемость разведения значений, т. е. лексический, идиоматический компонент дифференциации образований. Если дифференциация имен, образованных по синонимичным типам, носит нерегулярный характер, то она целиком принадлежит сфере лексики и закрепляется в словаре. Однако, по нашей гипотезе, кроме

такого нерегулярного компонента в дифференциации словообразовательных вариантов можно выявлять и регулярности. Для этого следует проследить, в какой мере распределение значений в образованиях по синонимичным типам соответствует специфическим особенностям каждого типа (особенностям его системной продуктивности).

Для анализа древневерхненемецкого корпуса существенно, что фактор блокирования, ограничивающий производство новых слов, синонимичных существующим, в древневерхненемецкой письменности можно считать в значительной степени ослабленным, поскольку рассматриваемый период характеризуется массовым созданием обозначений для новых понятий, причем эти обозначения создаются в разных письменных центрах, часто независимо от других региональных письменных традиций. Ослабление нормативных рамок и связанная с ней вариантность обозначений, характерная для древневерхненемецкого корпуса, предоставляет особенно благоприятный материал для исследования закономерностей словообразования и системной продуктивности словообразовательных типов, поскольку в этих условиях корпус должен включать значительное число потенциальных, т. е. системно возможных, но нереализуемых в обычном употреблении образований.

1.4. Конкуренция словообразовательных вариантов и методы ее анализа

Рассмотрим возможности исследования семантической дифференциации в минимальных парах, т. е. словах, образованных от одной и той же мотивирующей основы по разным синонимичным типам, а также системный статус минимальных пар.

Как мы отметили ранее, понятие «минимальной пары» используется исследователями словообразования без четкого определения и потому его введение нуждается в обосновании.

Очевидно, что дефиниция «минимальной пары» в применении к словообразовательным вариантам не может являться строго терминологической. Строго терминологическим понятие «минимальной пары» является в фонологии, где «минимальная пара» обозначает пару слов, имеющих разное значение и отличающихся друг от друга в плане выражения только одним дифференциальным признаком, что позволяет обосновать фонемный статус того звукового комплекса, которому свойственен этот признак. Фонемы, различающие минимальные пары, составляют фонологические оппозиции [Кодзасов, Кривнова 2001: 325—326]. Напротив, имена минимальных пар не образуют словообразовательных смысло-различительных оппозиций. Словообразовательная оппозиция создается мотивирующим и мотивированным словом [Янко-Триницкая 2001: 244; Плунгян 2000: 108], в то время как отношения имен в минимальных парах не являются отношениями словообразовательной мотивации. Имена отвлеченных действий и отвлеченных свойств мотивированы глаголами (кроме случаев множественной мотивации) и прилагательными или существительными соответственно. Поэтому каж-

дое из имен минимальных пар находится в отношениях словообразовательной мотивации только с мотивирующим словом; по отношению друг к другу они представляют собой члены словообразовательного гнезда, из чего следует, что их семантика соотносится более сложным образом: в случаях семантических различий этих имен она включает как общие, так и различные компоненты (например, при отглагольных именах с конкретными значениями).

Соответственно, дифференциация значений, обнаруживаемая в некоторых минимальных парах, не может обладать признаком «обязательности», характерным для грамматических значений; кроме того, она не может быть описана и через противопоставление «менее сложного» — «более сложного значения», которое, как обычно отмечается, свойственно словообразовательным оппозициям [Плунгян 2000: 108]. Таким образом, для минимальных пар мотивированных имен характерны следующие особенности: различия в суффиксальном оформлении имен не всегда сопровождаются семантическими различиями, даже если эти различия фиксируются в других аналогичных минимальных парах; семантические различия в разных минимальных парах могут быть не идентичными; не ко всем именам с определенными суффиксами должны существовать минимальные пары.

Для корректного анализа регулярностей в семантической дифференциации минимальных пар имен отвлеченного действия и отвлеченного свойства, по-видимому, необходимо выполнение следующих условий. Во-первых, семантическую дифференциацию в минимальных парах следует анализировать отдельно для собственно отвлеченных имен, для имен с конкретными значениями и для типов употребления имен. Прямое сравнение в анализе отвлеченных и конкретных значений минимальных пар некорректно, так как конкретные значения свойственны почти всем словообразовательным типам со значением отвлеченного действия или отвлеченного свойства (см. далее). Игнорирование этой особенности отвлеченных типов ведет к распространенной ошибке, при которой имена, образованные по одному из конкурирующих типов, квалифицируются как «более конкретные» на том основании, что они принимают конкретное значение в некоторых минимальных парах. С точки зрения теории словообразования именно такую ошибку представляют собой формулировки Э. Бенвениста и В. Мейда о семантике готских имен на *-ei(n)* и *-iþō-* [Benveniste 1961: 41; Meid 1969: 145], см. 3.1.

Во-вторых, при анализе минимальных пар необходимо учитывать не примеры единичных семантических расхождений, а ряды минимальных пар с семантической дифференциацией. Внимания заслуживают те случаи, в которых семантическая дифференциация производных, образованных по определенным синонимичным типам, происходит в одном и том же направлении; при этом имеет значение также отсутствие противоположенной семантической дифференциации в других минимальных парах. Кроме того, для установления системного статуса обнаруженной дифференциации необходимо установить соответствие между семантическими признаками, по которым происходит регулярная дифференциация в минимальных парах, и семантическими характеристиками словообразовательных типов.

Следующая оговорка касается анализа различий имен минимальных пар по типам их употребления в предложении. Здесь важно выявить соответствие между формально-языковыми и содержательными аспектами того или иного специфического употребления имен. В поле зрения должно попасть повторяющееся предпочтении имен с теми или иными суффиксами в позициях с определенными синтаксическими характеристиками или с особой лексической сочетаемостью. Семантические признаки, свойственные подобным особым контекстам, должны быть сопоставлены с семантическими характеристиками словообразовательных типов.

Другой подход может быть предложен для словообразовательных вариантов, не обнаруживающих никаких семантических различий. Здесь предметом анализа должен стать сам объем и границы словообразовательного варьирования. Представленные в корпусе словообразовательные варианты допустимо рассматривать как свидетельство пересечения сфер функционирования словообразовательных типов, по которым эти варианты произведены. Иными словами, существование словообразовательных вариантов позволяет делать выводы о частичном совпадении сфер продуктивности конкурирующих словообразовательных типов (для данного класса основ, данного вида конкретных значений и т. д.). Применим и обратный прием: регулярное отсутствие вариантов, образованных по данному типу, может свидетельствовать о непродуктивности типа, при условии, что подобное отсутствие вариантов регулярно фиксируется для целого класса мотивирующих основ или целого вида конкретных значений. Такое исследование словообразовательной вариативности в древневерхненемецком корпусе до сих пор не проводилось⁷.

Поскольку анализ закономерностей в системной продуктивности словообразовательных типов требует наблюдения за словообразовательными рядами большого объема, языковые данные отдельных памятников, в том числе крупных (поэма Отфрида, труды Ноткера) для такого анализа оказываются недостаточными. Поэтому для исследования системной продуктивности типов целесообразно использовать материал всего корпуса, т. е. словообразовательные ряды, охватывающие производные всего периода — от ранних текстов и глосс до поздних памятников. Такой подход оправдан, во-первых, представлением об относительной устойчивости языковой системы, ее подверженности лишь постепенным и частичным изменениям. Именно это представление позволяет хронологически расширять в лингвистических описаниях так называемые «синхронные срезы» язы-

⁷ Важно, что тот или иной словообразовательный вариант, засвидетельствованный в корпусе, не может быть спроецирован в предшествующую протонемецкую и общегерманскую эпоху без дополнительной оценки ограничений или предпочтений для вариативности, действующих внутри корпуса. Это обстоятельство обычно игнорируется в исторических исследованиях, что ведет к своеобразной «инфляции» вариантов. Очевидно, что изучение специфических закономерностей словообразовательного варьирования, сложившегося в каждом из древнегерманских языков, составляет необходимое условие для дальнейшего продвижения сравнительно-исторических исследований и, в частности, для реконструкции общегерманской системы словообразования.